

ОТ ЛАЗУТЧИКА ДО РАЗВЕДЧИКА

Слова *разведчик*, *агент*, *шпион*, *лазутчик* обозначают 'лицо, состоящее на службе у одного государства по добыванию тайным образом сведений о другой стране, составляющих государственную тайну этой страны'. В современном русском литературном языке эти слова — синонимы (З. А. Александрова. Словарь синонимов русского языка). Однако своеобразие их заключается в том, что в некоторых случаях они перестают быть синонимами.

Обстоятельства и время возникновения этих слов отражаются на их жизни в языке. Самое старое — *лазутчик*, но теперь оно встречается реже всех остальных. А вот *разведчик* возникло позже других и стало сейчас самым употребительным. На употреблении всех этих слов сказываются изменения, которые претерпевало обозначаемое ими понятие в связи с историей развития разведывательной деятельности.

Слово *лазутчик* было известно еще в древнерусском языке и широко употреблялось не только в XVII, но и на протяжении всего XVIII века, хотя в начале этого века появляется иностранное слово *шпион*, прочно вошедшее в словарный состав русского языка: «А лазутчиков из Великого Новгорода в Литовскую и в Немецкую сторону нарочно для проводыванья всяких Литовских и Немецких вестей не посылать, а проводывать торговыми людьми» (Полный свод законов. 1699); «Никто из пленных да не держит письма свои сам запечатывать

и тайным образом оные пересылать... Ежели пленный против сего поступит, то он подобно шпиону почитается или лазутчику, посланному от неприятеля» (Артикул воинский. 1715).

Даже во второй половине XVIII века слово *шпион* ощущалось еще как заимствованное. «Шпионы, по нашему лазутчики», — отмечал В. К. Тредиаковский (Телемахида. 1766). А в XIX веке *шпион* и несколько позднее начавшее употребляться в этом значении также иностранное *агент* получили широкое распространение. Тогда *лазутчик* стало обозначать военнослужащего, в обязанности которого входит собирание сведений в районе действий противника. «Принадлежность к войску отличает лазутчика от шпиона», — указывалось в Военной энциклопедии (1914).

В современном литературном языке *лазутчик* продолжает жить. Во-первых, для обозначения соответствующего занятия в прежние исторические эпохи: «Из Москвы посланы лазутчики в Нарву и Ревель будто бы для закупки товаров, — им приказано снять планы с этих крепостей» (А. Н. Толстой. Петр Первый). Во-вторых, слово *лазутчик* в своем суженном значении продолжает употребляться в языке военных: «Никогда не спуская глаз с противника, непрерывно ведя разведку, засылая в тыл к фашистам небольшие группы бесстрашных лазутчиков, Кириченко всегда разгадывал замысел вражеских генералов» (Закруткин. Кавказские записки). И, в-третьих, это слово возрождается в современном литературном языке как синоним к *шпион* и *агент*. Чаще его употребляют в книжной публицистической речи. В этом случае оно всегда имеет отрицательно-неодобрительную окраску: «Изменников, диверсантов, вражеских лазутчиков будем уничтожать беспощадно. Но, — Феликс Эдмундович сделал резкий жест, как бы подводя итог сказанному, — незаконных методов следствия не допустим» (сб. «Солдаты невидимых сражений»).

Слово *шпион* вошло в русский язык из немецкого в связи с уси-

лением разведывательной деятельности в период образования в Европе национальных государств. Первоначально это слово употребляется в официальных военных и дипломатических документах, а затем уже входит в разговорный язык. Усиление разведывательной деятельности в странах Европы привело к активизации шпионажа в России со стороны иностранных государств, и слово приобретает осудительно-неодобрительный презрительный смысл.

Таким образом, в официальных кругах сразу же возникает необходимость в обозначении этого понятия словом без отрицательной окраски. И поскольку разведывательная деятельность стала, как правило, вторым, секретным занятием дипломатических агентов, то словом *агент* начали обозначать лиц, профессионально занимающихся этой деятельностью, первоначально используя словосочетания: тайный агент, агент секретной службы.

Различие в употреблении слов *шпион* и *агент* хорошо видно в повести А. И. Куприна «Штабс-капитан Рыбников». Репортер Щавинский, догадавшись, кто такой Рыбников, мысленно называет его только шпионом: «Но если все это правда и штабс-капитан Рыбников действительно японский шпион, то каким невообразимым присутствием духа должен обладать этот человек, разыгрывающий с великодушеством среди бела дня, в столице враждебной нации, такую злую и верную карикатуру на русского забубенного армейца». Когда же Щавинский говорит о своих предположениях самому Рыбникову, то он уже не употребляет презрительно-отрицательное слово *шпион*, а называет его официальным *агентом*: «— Не бойтесь, я вас не выдам. Вы такой же Рыбников, как я Вандербилт. Вы офицер японского генерального штаба, думаю, не меньше чем в чине полковника, и теперь — военный агент».

С течением времени употребительным становится и еще одно слово — *разведчик*. Его используют в тех случаях, когда речь идет о героических и романтических чертах этой профессии. До этого оно

употреблялось в значении: «разведчик — это разведывающий что-либо, посланный на разведку; лазутчик, соглядатай; сыщик» (Словарь В. И. Даля). В современном языке слово *разведчик* получает широкое распространение как стилистически нейтральное.

Интересно отметить, что если у А. И. Куприна штабс-капитана Рыбникова называют обычными для того времени словами *агент* и *шпион*, то в наше время он уже именуется *разведчиком*: «В зрелые годы много раз перечитывал [Кулешников] повесть Куприна „Штабс-капитан Рыбников“. Он вообще любил читать Куприна, но эта повесть пленила — особенно образ японского разведчика, его перевоплощение в русского пехотного офицера-замухрышку» (Никулин. Мертвая зыбь); «— Ночью боялись проговориться во сне? Как штабс-капитан Рыбников? — Знаю его наизусть, — сказал Громов. — Но Рыбников был разведчик, а я поехал в Ротенбург и превратился в Бринкеля не для разведки» (Шейнин. Военная тайна).

Шпион на фоне слова *разведчик* приобретает еще более сильный отрицательно-презрительный смысл и несколько разговорный характер: «Немало белоэмигрантов выступало в гнусной роли шпионов и террористов, пособников гитлеровцев, наймитов империалистических разведок» (Чапчатов. Герои тайной войны); «— Понимаю... — протянул Кузнецов. — Значит, вы разведчик? — Не старайтесь выглядеть вежливым, мой друг. Ведь про себя вы употребили другое слово: шпион. Не так ли? Кузнецов в знак капитуляции шутливо поднял руки. — От вас ничего невозможно утаить. Действительно, я именно так и подумал. Простите, но у нас, армейцев, эта профессия не в почете» (Лукин. Операция «Дальний прыжок»).

Слово *агент* после появления *разведчик* начинает употребляться преимущественно по отношению к лицам какой-либо страны, завербованным на службу для другой страны: «Германской разведке тогда удалось завербовать сотрудника института, который по мере своих

возможностей начал освещать работу Леонтьева... Но тут возникли новые трудности: советские органы безопасности внезапно арестовали агента, работавшего в институте» (Шейнин. Военная тайна); «Он [Штейнглиц] вспоминал опытных солидных агентов, завербованных в процветающих европейских странах... Они, как и он, видели свое благополучие в сумме, записанной на их счету в одном из иностранных банков. И если они изменяли, то не своим собственным интересам, а своему правительству» (Кожевников. Щит и меч).

Кроме того, агентами часто называют лиц, занимающихся на территории государства, куда они засланы, подрывной и разведывательной деятельностью: террористов, диверсантов, различного рода вредителей и разведчиков. В этом случае *агент* утрачивает синонимические связи со словами *разведчик* и *шпион*: «Кутепов собирался усилить посылку своих людей в Россию, иначе говоря, заполнить „Трест“ своими агентами-диверсантами и террористами. Этого нельзя было допустить» (Никулин. Мертвая зыбь).

В работах о деятельности каких-либо разведывательных органов слова *разведчик*, *агент*, *шпион* употребляются как полные синонимы с целью избежать частого повторения одного и того же слова, разнообразить изложение. При этом поскольку для обозначения разведывательных органов используется слово *разведка*, с ним обычно употребляются слово *агент*: агент (иностранной, капиталистической и т. п.) разведки — «„Мэтр“ руководил значительной группой немецких шпионов, которых он посылал во Францию. Он даже создал в Берне небольшую тайную школу, в которой обучались его будущие агенты. Именно „мэтр“ сообщил сведения о 21 французском разведчике, которые были схвачены и казнены немцами» (Черняк. Пять столетий тайной войны); «В Швейцарии были арестованы израильский разведчик Бен-Гал, выдававший себя за чиновника министерства образования и культуры Израиля, и завербованный им австриец Йеклик... шпионы были арестованы

в момент шантажа другого специалиста Герке. В Египте были арестованы и осуждены агенты израильской разведки из числа западногерманских специалистов — супруги Лотц» («Неделя», 1968, № 48).

К указанному синонимическому ряду примыкает производное от *агент* слово *агентура* в собирательном значении: «По плану, Субботин сам должен был напроситься работать по подготовке русской агентуры. Так или иначе, теперь план требовал от него добросовестно, не вызывая ни малейшего подозрения, работать, а когда начнется забороска агентов, предупредить об этом своих» (Ардаматский. Ответная операция), «Я много знаю, я работал с англичанами, всю войну консультировал агентуру по русским делам в известном вам немецком разведоргане» (сб. «Солдаты невидимых сражений»).

Все рассмотренные слова имеют интересную особенность: в их употреблении проявляется отношение говорящего к лицам данной профессии в зависимости от того, приносят они пользу или вред, с точки зрения говорящего.

Слова *лазутчик*, *агент* и даже презрительное *шпион* употреблялись как по отношению к лицам, состоящим на службе у разведывательных органов России, так и по отношению к лицам, занимающимся преступной деятельностью против Русского государства. Несмотря на это, разное отношение к лицам этой профессии, в зависимости от службы своему или чуждому государству, существовало всегда. В «Новом словотолкователе» Н. М. Яновского (1806) дана крайне отрицательная, уничижительная характеристика слову *шпион*, однако там же отмечается, что тот, кто служит «„на пользу государства“, тот едва ли не должен быть почитаем весьма полезным гражданином». Но разграничено это понятие не было, так как, несмотря на разное отношение к разведывательной деятельности, оно оставалось по своей сущности тем же. «Всякий шпион, пойманный в стаях, им разведываемом, и избалованный в сношении с неприятелем, осуждаем бывает без отла-

гательства и без всякой формы суда на виселицу», — говорится в этом же словаре.

Слово *разведчик* также употребляется по отношению к лицам этой профессии независимо от того, на службе какого государства они состоят (своего, иностранного союзного, иностранного враждебного): «Условия работы и обстановка в капиталистических странах обязывают разведчика постоянно быть бдительным. Преданность своей Родине, честность и дисциплинированность, самоотверженность, находчивость, умение преодолевать трудности и лишения, скромность в быту — таков далеко не полный перечень требований к деловым, политическим качествам советского разведчика» (сб. «Солдаты невидимых сражений»); «Старый разведчик и старый наци, он когда-то занимал видное положение, а сейчас занимался учетом интересующих разведку людей» (Егоров. Заговор против «Эврики»); «Открытие разведчика, сообщение о котором иногда умещается на спичечном коробке, порой влияет на судьбы государств и народов» (Кожевников. Щит и меч).

С появлением Советского государства деятельность разведчика стала осуществляться в интересах единственной в мире социалистической Родины, оказалась направленной на защиту интересов государства народного. Так возникает совсем новое понятие об этой профессии, существование которой в стране социализма объясняется необходимостью заботиться о безопасности государства и всего народа. Советские люди работают в этой профессии не в корыстных целях, а сознательно, в силу патриотического стремления защищать правое дело, интересы Отечества трудящихся.

Новое отношение к этому занятию в странах социализма выражается в том, что слова *шпион*, *лазутчик* (в его неодобрительно-отрицательном значении) и *агент* перестают употребляться для обозначения лиц, работающих в разведывательных органах социалистических государств. У известного советского разведчика Рихарда Зорге есть такое высказывание: «Мы совершенно

отличаемся от того значения, которое обычно приписывается слову *шпионы*» (сб. «Солдаты невидимых сражений»). С другой стороны, слово *разведчик* никогда не употребляется в речи советских людей по отношению к гражданам советского и других социалистических государств, работающих на службе у иностранных разведок: «Они [американские власти] не дают окончательного списка советских людей, по тем или иным причинам оказавшихся в их зоне... как мы уже точно знаем, они стремятся навербовать из числа этих лиц шпионов и диверсантов» (Шейнин. Военная тайна); «Разведчики Мажура и Бушнин, вернувшись однажды из Ровно, доложили, что им удалось нащупать агента гестапо» (Медведев. Сильные духом).

Таким образом, в настоящее время существует два самостоятельных понятия: 1) лицо, занимающееся данной деятельностью в капиталистических государствах и в дореволюционной России и 2) лицо этой профессии, состоящее на разведывательной службе у социалистических государств.

О двух значениях слова *разведчик* свидетельствует распределение по синонимическим группам слов с этим значением. Для обозначения первого понятия употребляется ряд: *разведчик*, *агент*, *шпион*, *лазутчик*, то есть в этом случае *разведчик* имеет синонимы. Для обозначения второго понятия употребляется только одно слово — *разведчик*, и синонимов к нему нет.

Особое место по отношению к рассматриваемым словам занимает слово *резидент*. Оно обозначает руководителя разведки в каком-либо районе иностранного государства. Однако в последнее время это слово начинает употребляться для обозначения вообще разведчика, работающего длительное время на территории иностранного государства обычно под личиной гражданина этого государства или гражданина нейтрального государства (во время войны).

Такое употребление слова *резидент* позволяет включать его в синонимический ряд рассматриваемых

слов с указанным отличием в значении: «Лишь немногие знали, что под фамилией Массино скрывается Сидней Джорж Рейли — видный агент Интеллидженс Сервис» (Никюлин. Мертвая зыбь); «Однажды он получил кодированное письмо от своего коллеги по Интеллидженс Сервис, резидента в одной из прибалтийских стран» (там же); «Поверил в „Трест“ и столь опытный разведчик, как Сидней Рейли» (там же); «[Второе бюро во Франции] составило длинный список подозрительных, в который, как выяснилось, входило много наиболее активных германских шпионов. Однако в отличие от Англии, где немецких агентов захватили сразу в начале войны, французские власти воздержались от ареста лиц, включенных в этот список. Может быть, эта робость в отношении резидентов немецкой разведки, лишь ожидавшей сигнала для начала действий, была результатом „друзей“ Мата Хари. Она же могла и доставлять информацию, собранную особо доверенными немецкими агентами» (Черняк. Пять столетий тайной войны).

Большая роль в разведывательной работе принадлежит женщинам. В связи с этим возникают и производные слова женского рода — *разведчица*, *шпионка*, *агентка*, *лазутчица*, которые в основном употребляются соответственно производимым словам мужского рода. Различие состоит только в том, что слово *лазутчица* не получило распространения в языке, а *агентка* имеет разговорный характер, обычно по отношению к женщинам употребляется слово *агент*: «Несомненно, что успехи Мата Хари как шпионки крайне преувеличены... Мата Хари была совершенно несведуща в военных вопросах и уже по одному этому не являлась такой крупной разведчицей, какой ее рисует легенда» (Черняк. Пять столетий тайной войны); «„Роковые красавицы“ несравненно реже встречались среди агентов разведки, чем на страницах бесчисленных бульварных романов о шпионах. Но все же встречались. Это были специально отобранные, тщательно обученные

агенты, которым поручалось проникать в высшие слои общества, в правительственные сферы той или иной страны, чтобы, используя распущенность нравов и продажность буржуазных и аристократических верхов, добывать особо важную информацию» (там же); «Фрейлейн Ангелика ставит важные вопросы о принципе подготовки женской агентуры... Штейнглиц, наливая себе коньяк, сказал озабоченно: — Баба-агентка» (Кожеников. Щит и меч).

Для слова *резидент* пока еще нет соответствующего слова женского рода.

Кандидат филологических наук
Е. А. ИВАННИКОВА
Ленинград

ШОФЕР, ВОДИТЕЛЬ: КТО ПОВЕДЕТ МАШИНУ БУДУЩЕГО?

Изобретение одного из видов «самодвижущегося экипажа» явилось причиной рождения слов *автомобиль* (см.: «Русская речь», 1969, № 5), а также и *автомобилист*, *шофер* и др. Они были образованы и стали употребляться во французском языке с конца XIX века. В первой четверти XX века русский язык заимствует из французского сначала слово *автомобилист*, а затем и *шофер*.

Автомобилист первое время употреблялось только в значении 'тот, кто управляет автомобилем'. Так, например, в «Автомобильном спутнике» (СПб., 1914) было напечатано: «Русские автомобилисты, принимая заграничные путешествия на автомобилях, уже оплаченных в России таможенной пошлиной, получают при выезде так называемые „вывозные свидетельства“».

Позднее автомобилистами стали называть и спортсменов, выступающих в гонке на автомобилях, и лю-